

Пушкин А. С.

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ**

**ШЕДЕВРЫ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

УДК 82/89
ББК 84(2Рос=Рус)
П91

Пушкин А. С.
П91 Стихотворения; Поэмы / Коммент. О. Курган.—
М.: Мир книги, Литература, 2009.— 320 с.— (Шедевры
мировой литературы).

ISBN 978-5-486-03056-7

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837) — великий русский поэт, родоначальник новой русской литературы. Мечтавший о единой национальной культуре и видя трагическую разорванность между культурами дворянской и народной, Пушкин воплотил свою надежду на их слияние в создании единого национального литературного языка. Опираясь на разговорный стиль образованного общества, Пушкин соединил с ним книжную и народную речь, причем народный способ выражать мысль прямо, ясно, открыто, сделал нормой национального литературного стиля.

В данный том вошли стихотворения и поэмы.

УДК 82/89
ББК 84(2Рос=Рус)

© ООО ТД «Издательство
Мир книги», оформление, 2009
© ООО «РИЦ Литература»,
состав, комментарии, 2009

ISBN 978-5-486-03056-7

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛИЦЕЙСКИЙ ПЕРИОД

1813—1717

1813

К НАТАЛЬЕ

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол,
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — все под лавку,
Из Катонов* я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи,
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.

Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет, и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтании,
Вижу, в легком одеянии
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею..
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах,
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Все к чему-то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет;
Я — по-свойски объяснюсь.
Все любовники желают
И того, чего не знают,
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень,
Я желал бы Филимоном*
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой*
Ты старалась меня
Удержать умильным взором.
Иль седым опекуном*
Легкой, миленькой Розины*,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою

Белоснежну, полную грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть.
И хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? — Наталья!
Выслушай еще меня:
Не владетель я сераля*,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя.
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда,
В каске, с длинным палашиком.
Не люблю я бранный гром;
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

«Кто же ты, болтун влюбленный?»
«Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденные,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!*

МОНАХ

Песнь первая

СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадытым стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейский* старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз надеть дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты, поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном*,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?*,
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».
Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван Великий,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался:
Хотя монах, он в пухе не валялся

Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь Божий день он в кельи провождал,
«Помилуй мя» вполголоса читал,
Ел плотно, спал и всякий час молился.

А ты, монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый кармелит*,
И ты стыдись, Печерской лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединении,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым картезьянцам*
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем —
Черт прибежал амуров с целым роем;
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела,
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,

Луна в окно монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок* (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый все сидит.
«Уж будешь мой», — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес монаха соблазнять;
Чтоб усыпить, Боброва* стал читать.
Монах скучал, монах тому дивился.
Век не зевал, как Богу он молился.
Но — нет уж сил; кресты, псалтирь, слова —
Все позабыл, седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг
проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь, с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? — юбку видит он.

«Что вижу я!.. иль это только сон? —
Вскричал монах, остолбенев, бледнея. —
Как! это что?..» — и, продолжать не смея,
Как вкопанный пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,

О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталя, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный Бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно все, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный ослабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастьем нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОН,
СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Покаместь ночь еще не удалилась,
Покаместь свет лила еще луна,
То юбка все еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылась она.

А наш монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного налоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как,— мыслит он,— когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принесть ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, Владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать... девчонки».
Монах краснел и делать что не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Все тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер, наступая,
Зажег везде лампы и свечи.
Уже монах, с главы клобук снимая,
Ложился спать. Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушенье,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик, кряхтя, на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.
Тотчас Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной, смеясь, льет в кубок пенны вины;
Зеленый площ на черных волосах,
И виноград, на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий,—
Все говорит, что вечно юный Вакх,

Веселья Бог,— сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшись, любовники лежат.

Монах на все взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал —
Стоя как пень и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И набекрень, взъярясь, клубок надвинув,
В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрее орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам,— ворчал,— я промаха в кольцо».
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хватъ юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор, темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, монаха поражает —
Панкратий: «Ах!..» — и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет. Панкратий встал, умылся,
И, помолясь, он плакать сильно стал,

Сел под окно и горько горевал.
«Ах! — думал он, — почто Ты прогневился?
Чем виноват, Владыко, пред Тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу Тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбка вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моление,
Не дай мне впасть, Господь, во искушенье!»
Услышал Бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался*,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «Нашел! нашел!»
«Ну! — думал он, — от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и все пойдет на лад».
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий Рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И, весь в жару, в грязи, в пыли и поте,
Предупредить спешил восход луны.

Песнь третья

ПОЙМАННЫЙ БЕС

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа

Лихая страсть меня не занесла,
Чернилами я не марал бы палыцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пяльцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан*.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венки душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина*;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь,
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плести пустился.
Мартынов* пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмогнулся на Парнас.
Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...

Ни жив ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг, бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый брег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки* прелестной ала губка,
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмешкой злою,—
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодез брошу я.
Ага, Мамон!* дрожишь передо мною».
«Ты победил, почтенный старичок,—
Так отвечал смирнехонько Молок.—
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану».
«Все так, все так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл».
«Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова*, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Все променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить

И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского*,
За ужином дремать у Горчакова*,
К Нарышкиной* подправлять жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить, как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед». «Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сейчас в бутыль иди». «Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю». «Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах! Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой. За все про все готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!» «Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим. Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим». При сих словах монах себя не вспомнил.
«В Иерусалим!» — дивясь, он бесу молвил.
«В Иерусалим! — да, да, свезу тебя». «Ну, если так, тебя избавлю я».

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится черт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спешి в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.

1814

КОЗАК

Раз полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой козак.

Черна шапка на бекрене,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чужа,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки, —
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылась луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,
Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
«Ночь красавицам опасна».
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал козак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.

Все было тихо — лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом крутом.

И на невинном сем творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты к груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Мне вечный стыд вина моя, —
Меня навеки ты забудешь;
Но не забуду я тебя!
Дадут покров тебе чужие
И скажут: „Ты для нас чужой!”
Ты спросишь: „Где мои родные?” —
И не найдешь семьи родной.

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий;
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрек жестокий..
Прости, прости тогда меня...

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
Прижать к груди в последний раз,
Закон неправедный, ужасный
К страданью осуждает нас.
Пока лета не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»
Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна..
Бледна, трепещуща, уныла,
К дверям приблизилась она;

Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

1815

ВОДА И ВИНО

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напелясь в чаше круговой,
Друзья, скажите, — кто не плачет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх!.. смешил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пусть не в силах будет пить
Или, стаканами владея,
Лафит* с цимлянским* различить!

ИЗМЕНЫ

«Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Все позабудь;

В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зефир молодою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиреньи
Черпать забвенье
И — для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой

Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал.
Что же? — напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей.
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так! до могилы,
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увиты
Цепи влачи...

СЛЕЗА

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Гусар мой спросил. —
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет *ее* со мною!..» —
Вздыхнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал.
«Дитя, ты плачешь о девице,
Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал!..»

К ЖИВОПИСЦУ

Дитя харит и вдохновенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности прелестной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно вздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Лицейский период
1813—1817

1813

К Наталье	5
Монах	7

1814

Козак	18
Романс («Под вечер, осенью ненастной...»)	19

1815

Вода и вино	21
Измены	21
Слеза	23
К живописцу	24
К ней («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»)	25

1816

Истина	25
Окно	26
Уныние («Мой милый друг! расстался я с тобою...»)	26
Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе...»)	27
Месяц	27
Певец	28
Заздравный кубок	28
Пробуждение	29

1817

Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью...»)	30
Товарищам	31
Разлука («В последний раз, в сени уединенья...»)	32

Петербургский период
1817—1820

1817 (после Лицея)

«Простите, верные дубравы!..»	33
-------------------------------------	----

К *** («Не спрашивай, зачем унылой думой...»)	33
«Краев чужих неопытный любитель...»	34
Вольность. Ода	34

1818

Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье...»)	37
Выздоровление	37
К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...»)	38

1819

Деревня	39
Русалка	40
Уединение	42
Веселый пир	42

1820 (Петербург)

«Мне бой знаком — люблю я звук мечей...»	43
--	----

Юг
1820—1824

1820

«Погасло дневное светило...»	44
К *** («Зачем безвременную скуку...»)	45
Черная шаль	45
«Редает облаков летучая гряда...»	46

1821

«Я пережил свои желанья...»	47
Кинжал	47
Кокетке	48
Дева	49
Христос воскрес	50
«Умолкну скоро я. Но если в день печали...»	50
Наполеон	50
Прятелю	54
Десятая заповедь	54

1822

Баратынскому. Из Бессарабии	55
На А. А. Давыдову («Иной имел мою Аглаю...»)	55
Песнь о вешем Олеге	55
Гречанке	58
В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»)	59
«Наперсница волшебной старины...»	60
Узник	61

1823

Птичка	61
«Мое беспечное незнание...»	62
«Свободы сеятель пустынный...»	62
«Завидую тебе, питомец моря смелый...»	63

Ночь	63
Демон	63
Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминаенье...»)	64
Телега жизни	64

1824

«Всё кончено: меж нами связи нет...»	65
«Приют любви, он вечно полн...»	65
«Полу-милорд, полу-купец...»	65
На кн. А. Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель...»)	66

Михайловское
1824—1826

1824

К Языкову («Издревле сладостный союз...»)	67
Признание. К Александре Ивановне Осиповой («Я вас люблю — хоть я бешусь...»)	68
К морю	69
Коварность	71
«Ночной зефир...»	72
Фонтану Бахчисарайского дворца	73
Аквилон	73

1825

Сожженное письмо	74
«Сказали раз царю, что наконец...»	74
«О дева-роза, я в оковах...»	75
П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...»)	75
«Храни меня, мой талисман...»	76
К *** («Я помню чудное мгновенье...»)	76
«Если жизнь тебя обманет...»	77
Жених	77
Вакхическая песня	82
«Цветы последние милей...»	83
19 октября	83
Соловей и кукушка	87
«Всё в жертву памяти твоей...»	87
Зимний вечер	87
«В крови горит огонь желанья...»	88
Буря	88
«Люблю ваш сумрак неизвестный...»	89

1826

«Под небом голубым страны своей родной...»	90
К Вяземскому («Так море, древний душегубец...»)	90
К Языкову («Языков, кто тебе внушил...»)	90
Пророк	91

1826—1836

1826 (После ссылки)

К. А. Тимашевой	92
Няне	92

Зимняя дорога	93
И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..»)	94
Стансы («В надежде славы и добра...»)	94

1827

«Во глубине сибирских руд...»	95
«Какая ночь! Мороз трескучий...»	95
Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас...»)	97
Арион	97
Поэт («Пока не требует поэта...»)	97
19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...»)	98
Талисман	98

1828

«Увы! Язык любви болтливый...»	99
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...»)	100
Ты и вы	100
«Дар напрасный, дар случайный...»	100
«Кобылица молодая...»	101
«Не пой, красавица, при мне...»	101
«Счастлив, кто избран своенравно...»	102
А. А. Олениной («Вы избалованы природой...»)	102
Предчувствие	102
Утопленник. Простонародная сказка	103
«Рифма, звучная подруга...»	105
«Ворон к ворону летит...»	107
«Город пышный, город бедный...»	107
Анчар	107
Цветок	109
«Когда в объятия мои...»	109
Поэт и толпа	110

1829

Е. Н. Ушаковой. В альбом («Вы избалованы природой...»)	111
Приметы	112
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	112
Делибаш	113
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	113
«Жил на свете рыцарь бедный...»	113
Зимнее утро	115
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	116
«Когда твои молодые лета...»	117
Кавказ	118
Обвал	118

1830

«Что в имени тебе моем?...»	119
«В часы забав иль праздной скуки...»	120
Поэту. Сонет	120
Бесы	121
Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»)	122

Дорожные жалобы	123
Прощанье («В последний раз твой образ милый...»)	124
«Я здесь, Инезилья...»	124
«Для берегов отчизны дальней...»	125
«Стамбул гяуры нынче славят...»	126
Дельвигу («Мы рождены, мой брат названный...»)	127
Моя родословная	128
«Два чувства дивно близки нам...»	130
«Когда порой воспоминанье...»	130

1831

«Перед гробницею святой...»	131
Клеветникам России	132
Бородинская годовщина	133
Эхо	135
«Чем чаще празднует Лицей...»	136
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»	137

1832

«В тревоге пестрой и бесплодной...»	137
Красавица («Всё в ней гармония, всё диво...»)	138
К *** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»)	138
В альбом («Гонимый рока самовластьем...»)	139

1833

Гусар	139
Воевода	142
Осень. (Отрывок)	144
«Не дай мне Бог сойти с ума...»	147
«В поле чистом серебрится...»	148

1834

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»	149
--	-----

1835

Туча	149
«На Испанию родную...»	149
«Чудный сон мне Бог послал...»	153
«...Вновь я посетил...»	154
«В мои осенние досуги...»	155
Пир Петра Первого	156

1836

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	157
--	-----

ПОЭМЫ

Руслан и Людмила	161
Бахчисарайский фонтан	228
Полтава	243
Медный всадник	285
Комментарии О. Курган	298